

Солженицын А.И.

15.8.95

— Имеет ли для вас особое значение славяно-фильская традиция?

— Нет, она не имеет для меня ни особого, ни вообще сколько-нибудь сильного значения. Мне приписывают, ставят печать неславянофилы, я таким ни в коем случае не являюсь, я не считаю себя носителем славянофильской традиции. Я горячусь, что славянофилы преувеличивали значение особой миссии России и какого-то особого исконного превосходства в духовной сфере. Я этого не нахожу и не являюсь их продолжателем.

— В чем разница, по вашему, между двумя типами тоталитаризма — коммунизмом и национал-фашизмом?

— Разница весьма малая. Просто-напросто коммунизм — это классовый тоталитаризм, или классовый фашизм, а национал-фашизм — это расовый фашизм. Ну, слово "фашизм" я использую условно, потому что я имею в виду не итальянский именно фашизм, а национал-социализм, но раз уж приняли это слово, будем говорить "фашизм". Вот и все: один — расовый, другой — классовый. Причем наш классовый раньше возник и послужил образцом.

— Возможен ли, по вашему, социализм не марксистский, а христианский и демократический? Именно социализм, не коммунизм.

— Социализм, собственно говоря, совершенно нравственный плагиат по отношению к христианству. То есть многие идеи христианские он внешне, формально как бы принял, а на самом деле построил их не на любви, как учит христианство, а на насилии. И можно убедиться, что никакой социализм не может быть построен без целого ряда насилий, пусть не таких страшных насилий, какие были при коммунизме. Определенно, что только ступеньками насилий можно построить социализм, ибо он идет против человеческой природы, и поэтому он не может не применять насилия. Я поэтому не понимаю выражения "христианский социализм", ибо христианство построено совсем на

Гайд-парк "ВК"
Вер. клуб. — 1995. — 15 авг. — С. 2.
Кто вы, Александр Исаевич, — славянофил, антисемит, монархист?

Писатель решительно отмечает эти обвинения

Российским газетам А. И. Солженицын интервью практически не дает. Вот почему нам показалось нeliшним перепечатать (хотя бы и с сокращениями) беседу писателя с Витторио Страндом, опубликованную в итальянской газете "Каррьере делла sera" и парижском еженедельнике "Русская мысль".

других основах, нежели социализм. А также и "демократический социализм" — я не понимаю смешения этих понятий.

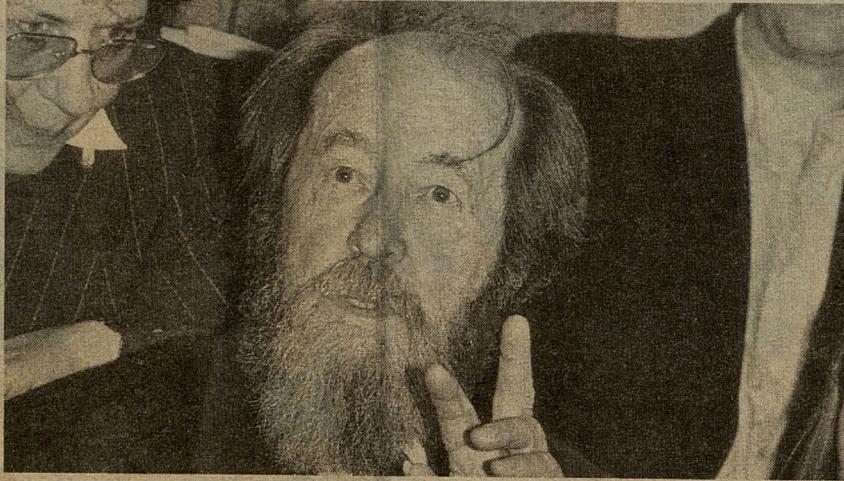
— Ваши противники иногда клеветнически обвиняют вас в антисемитизме. Существует ли еврейский вопрос в России?

— Да, мои противники часто, множественно обвиняют меня в антисемитизме, но характерно: это всегда были газетные статьи, которые ссылались и были построены на других газетных статьях, а те другие — на третьих, а трети — на четвертых, и когда я просил: вы укажите, пожалуйста, где и когда я сказал и напечатал что-

либо подобное, — то они никогда не приводили ни единой цитаты, никогда... Журналисты сегодня очень любят легко работать, легко навар получать. У меня 20 томов собрания сочинений. Прочитать их — за год не прочтешь. Зачем их читать? Они лучше прочтут у предыдущего журналиста: "Солженицын антисемит", у второго журналиста — "антисемит". Никто никогда не представил ни единой моей строки в доказательство. А что такое анти-

семитизм? Антисемитизм — это пристрастное, несправедливое отношение к еврейской нации в целом. Так вот этого у меня никогда и нигде не было. У меня были образы евреев в произведениях. Одни положительные, другие отрицательные. Те, которые меня обвиняли, забывали о положительных, а указывали на отрицательных: а вот видите, вот видите, кого он показал. Вот и все. Позвольте, но есть же и положительные. Хоть сколько бы ни было их — не в этом дело: есть отрицательный? — все, "антисемит". Есть ли у меня пристрастное, несправедливое отношение к еврейской нации в целом? Нет, никогда и нигде.

Вы спрашиваете дальше, существует ли еврейский вопрос в России. Он, конечно, существовал два столетия, поскольку евреи были многочисленной составляющей частью — 6 миллионов было евреев в России. Еврейский вопрос включался большой составляющей и имеет длинную историю. В настоящее время, я бы сказал, он сильно сгладился уже по количественной стороне. Евреев осталось уже настолько меньше, тем более, что и

латательным возвращение царя?

— Я считаю, что сегодняшнее российское неомонархическое движение до такой степени слабо, до такой степени хило, что просто не стоит о нем рассуждать. Оно не представляет никакой социальной или политической силы. Считаю ли я возможным возвращение царя? Видите, возвращение в смысле попытки вообще в истории не бывает. Тот царский строй, который был у нас в России, — он не может вернуться к нам, мы слишком изменились.

А вообще монархический принцип? Я считаю, что сегодняшние монархи, очень многие, имеют декоративный характер. Вот в Западной Европе, например, совершенно декоративный. На самом деле даже монархии называть это нельзя, это — дань традиции, игра в продолжение традиций. Монархия? Может существовать тогда, когда сам монарх абсолютно искренне убежден в том, что он помазанный Божий и отвечает каждым своим шагом только перед Богом. Но этого мало: и каждый подданный убежден, что это — помазаннык Божий, что он — от Бога, и его реше-

ния от Бога. Так вот, такая психологическая атмосфера — я не вижу, как бы она сегодня, в XX веке, могла создаться в России или где бы то ни было еще.

— Горбачев в свое время написал, что Солженицын — монархист.

— Горбачев сказал это на Верховном Совете, он швырнул это в большом раздражении на меня, потому что я предсказал развал Советского Союза, и этого он не мог пережить. Но Горбачев просто согнал, будто бы он дважды прочел с карандашом мою брошюру. Если бы он прочел раз и без карандаша, то он мог бы понять, что там монархизм не пахнет даже и близко. Вот это пример, как выдергивают из каких-то журнальных статей... Какой-то советник прочел какую-то статью и ему подсказал, вот и все.

— Какие писатели вам наиболее близки из русской литературы ХХ века?

— Вы употребили слово "близки", поэтому я назову тех, которыми я восхищаюсь, которые мне сердечно близки. Из прозаиков это Булгаков, из поэтов — Ахматова и Цветаева...

В нынешнее время, к сожалению, литература наша очень болна. Она вся ушла, почти вся хлынула в подражательный авангард, постмодернизм, — я об этом тоже писал статью, не буду повторять. Это пустое направление, которое не несет в себе сердечного заряда, в котором все придумано, все основано на какой-то интеллектуальной гимнастике. Я следил, когда был на Западе, за такими писателями, как Расспутин, Белов, Астафьев. В брежневское время они сумели пронести нравственную струю и даже быть напечатаны при той цензуре, и это была большая ценность. Но, к сожалению, сейчас они замолчали, большей частью ушли в публицистику. Сегодня вообще кризисный момент в нашей литературе, однако я твердо верю, что наша реалистическая традиция воспрянет в каких-то, может быть, измененных формах, и русская литература никак не погибла, как ей пророчат, и традиция классики будет продолжена.